

**ЗНАНИЕ О СЕБЕ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ:
ПОНЯТИЕ АВТОРИТЕТА ПЕРВОГО ЛИЦА У Д. ДЭВИДСОНА ***

В статье предпринимается компаративный анализ трактовок знания о себе, представленных в экстерналистских теориях сознания и языка Дэвидсона и Патнэма. Показано, что отстаивать «авторитет первого лица» Дэвидсону, в отличие от Патнэма, позволяет коммуникативный характер его теории значения. Кроме того, в статье выявлены некоторые слабости в семантических построениях Патнэма и Дэвидсона.

Ключевые слова: теория значения, философия сознания, экстернализм, авторитет первого лица, интерпретация.

Авторитет первого лица, как его определяет Д. Дэвидсон, означает эпистемологическую асимметрию между первым и вторым лицом разговора (говорящим и слушателем), состоящую в том, что говорящий *непосредственно* знает значения произносимых им слов и выражений, тогда как слушатель вынужден устанавливать их 1) посредством (более или менее надежной) интерпретации фактуальных свидетельств, т. е. речей, жестыкуляции, действий говорящего и т. п.; 2) на основе (более или менее полного и адекватного) «фонового знания» о факторах, влияющих на употребление языка, – о языковых привычках говорящего, его образовании, происхождении и т. п. Эта асимметрия проявляется в том, что говорящий имеет возможность скорректировать интерпретацию его слов слушателем («ты меня неправильно понял: я имел в виду то-то»), и слушатель должен принять эту коррекцию к сведению, тогда как обратная коррекция («ты имел в виду не это, а вот что...»), как правило, представляет собой девиантное речевое поведение¹ [Davidson, 2001. P. 3–4]. Для интерналистской теории сознания и менталистской семантики авторитет первого лица самоочевиден, поскольку непосредственно вытекает из базовых допущений: идеи привилегированного доступа и трактовки значения в качестве «мен-

тального объекта» (кому, как не мне знать, какой объект возникает перед моим внутренним взором, когда я произношу слово «носорог»?)). Но для Дэвидсона, принимающего *экстерналистскую* теорию сознания и *каузальную* теорию значения, он представляет собой проблему, или, как минимум, требует объяснения. В основе дэвидсоновского объяснения этого феномена лежит новаторский концептуальный сдвиг в семантике, предполагающий рассмотрение языка в контексте теории интерпретации. Чтобы представить эту новацию наиболее отчетливым образом, сопоставим ее с близкой Дэвидсону экстерналистской концепцией Х. Патнэма, в которой авторитет первого лица отвергается.

Патнэм выступает против допущения авторитета первого лица с позиции зрения каузальной теории значения, представленной в статье «Значение значения» [Патнэм, 1999. С. 164–235] и других работах 60-х – 70-х гг. Главная семантическая новация Патнэма – тезис о независимости экстенционала от интенционала, обусловленной индексикальным компонентом значения. Тезис состоит в том, что экстенционал имени определяется не интенционалом (дефиницией, знаниями об объекте и т. п.), но прямым указанием на объект, который становится образцом данного вида («жестким десигнатором»). На-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (грант НШ-5887.2008.6 на поддержку ведущей научной школы «Томская онтологическая школа»).

¹ Нарушения авторитета первого лица, например, те, с которыми имеет дело психоаналитик, Дэвидсон рассматривает как вторичные в том смысле, что терапевтический эффект психоанализа состоит именно в его (авторитета) *восстановлении* [Davidson, 2001. P. 7].

пример, значение имени «вода» определяется, по Патнэму, не дескрипцией типа «вода – это бесцветная жидкость, хорошо утоляющая жажду, текущая в реках и т. д.», но объектом, взятым за образец: индексикальное определение «воды» звучит так: *вода – это жидкость, по своей природе идентичная данному образцу* (например, содержащему вот этого стакана). Данный тезис делает возможной ситуацию, когда два агента речи используют слово «X» в одном и том же интенциональном значении (дают предмету X одно и то же определение), но слово «X» в их устах отсылает к разным по своей природе образцам и, соответственно, имеет разные экстенсионалы, *хотя сами агенты об этом не догадываются*. Патнэм делает вывод о независимости значения от того, как его *понимает* носитель языка: «“Значения” не находятся в голове» [Патнэм, 1999. С. 179].

Эта гипотетическая ситуация является правильным пунктом полемики Дэвидсона против Патнэма, поэтому рассмотрим ее более подробно. Патнэм иллюстрирует свою мысль посредством знаменитой фантазии на тему «Двойника Земли» [Там же. С. 174–175]. Допустим, что существует планета, идентичная Земле во всем, кроме одного пункта: на ней вместо воды в реках и водопроводах течет жидкость с иной молекулярной структурой (XYZ вместо H₂O). На Двойнике Земли люди (наши двойники) говорят на языках, в точности совпадающих с нашими языками; жидкость XYZ, которая там называется водой, при нормальных условиях по своим внешним свойствам неотличима от воды (H₂O): она прозрачна, бесцветна, хорошо утоляет жажду, растворяет соль и сахар и т. п. Словом, землянин, оказавшись на Двойнике Земли, мог бы подумать, что оказался дома. Однако различие между водой₁ и водой₂ (обозначим так H₂O и XYZ) обуславливает различие значений слов «вода₁» и «вода₂» (т. е. слова «вода» в устах землянина и обитателя Двойника Земли). Различие обусловлено индексикальным компонентом значения: тем обстоятельством, что слова «вода₁» и «вода₂» отсылают к разным образцам. В силу совпадения «жизненно-мировых» свойств воды₁ и воды₂ путешественник-землянин, гостящий у своего двойника, не заметит различия в значениях соответствующих слов (или, если угодно, омонимичности слова «вода» как общего для обеих планет). Можно допус-

тить, что эксперт-химик, случись ему исследовать образцы обеих жидкостей, обнаружил бы различие между водой₁ и водой₂, а вместе с тем и семантическое различие между соответствующими словами. Однако – и в этом состоит нетривиальный пункт патнэмовского рассуждения – слова «вода₁» и «вода₂» имели разные значения даже до появления атомистической теории строения вещества в научных сообществах обеих планет (т. е. даже в XVIII в.) – несмотря на то, что в то время ни один эксперт не смог бы этого различия обнаружить! Жидкость в озере Мичиган₁ «объективно» (независимо от того, знаем ли мы об этом) отличается от жидкости в озере Мичиган₂ (предположим, что содержимое этих озер является образцом для соответствующих имен), – и это отличие обуславливает столь же «объективное» различие экстенсионалов слов «вода₁» и «вода₂», имевшее место уже тогда, когда носители языка не могли об этом даже догадываться.

Как видим, Патнэм предпринимает попытку радикальной десубъективации языка, отделяя значение от интенционала и ставя под вопрос саму возможность авторитета первого лица. В самом деле, автономия значения по отношению к интенционалу означает разрыв между значением имени и знанием носителя языка о соответствующем предмете и тем самым лишает говорящего авторитета относительно того, что значат его слова. Тот факт, что «значения не находятся в голове», означает, что мы можем заблуждаться относительно того, что означают наши слова, в силу чего лишаемся права контролировать и корректировать интерпретацию наших слов слушателем.

Дэвидсон принимает экстерналистский тезис каузальной семантики, согласно которому значения определяются внешними по отношению к сознанию факторами (в частности, «жесткими десигнаторами» слов) – и вместе с тем допускает возможность рассматриваемой ситуации, когда:

- два агента речи, употребляя имя «X», находятся в одном и том же ментальном состоянии (скажем проще: с этим словом у них ассоциируются одни и те же знания и дескрипции);
- при этом в их устах данное слово имеет «объективно» различные значения;
- они сами об этом различии не знают, а в некоторых случаях – как в случае с «во-

дой₁» и «водой₂» до 1750 г. – лишены даже самой возможности об этом узнать [Davidson, 2001. P. 30] (ниже будет показано, что это последнее допущение является необоснованным, в том числе с позиции самого Дэвидсона).

Однако этот тезис, по Дэвидсону, не устраняет авторитета первого лица. В его интерпретации мысленный эксперимент Патнэма говорит лишь о том, что землянин, оказавшись на Двойнике Земли, применял бы слово «вода» не по назначению, указывая на жидкость XYZ, и если сюжет разворачивается до 1750 г., то он не смог бы обнаружить свою ошибку. Однако это не значит, что он не знает, что он сам подразумевает под словом «вода»: он вполне справедливо убежден, что подразумевает ту самую жидкость, которую его научили назвать «водой» в детстве ².

Но что значит «знать подразумеваемое значение»? Отвечая на этот вопрос, Дэвидсон разрабатывает новаторскую концепцию, требующую рассматривать значение и понимание в процессе коммуникации, т. е. интерпретации речи слушателем. Центральный тезис Дэвидсона гласит: слова имеют значение только в контексте *интерпретируемой* речи, т. е. речи, которая *может быть понята* собеседником; иначе говоря, для языка конститутивна транслируемость (learnability – возможность его освоения слушателем).

«Если говорящий хочет быть понятым, он должен стремиться к определенной интерпретации его слов, а потому он должен предоставить своей аудитории ключ к таковой... Требование транслируемости, интерпретируемости, обуславливает наличие нередуцируемого социального фактора и показывает, что *невозможно подразумевать что-либо под словами, которые не могут быть корректно расшифрованы другим*» (курсив мой. – Е. В.) [Davidson, 2001. P. 28].

Как видим, для Дэвидсона интерпретация – не вторичный продукт наделенности слов значением, но фактор, делающий тако-

вую возможной. Существует, далее, только один «ключ» к желаемой интерпретации моих слов другими – регулярность (последовательность, стандартность) речевого поведения, например, последовательное применение имени для именованых одних и тех же предметов ³. Но если иметь в виду, что стремление сделать свою речь понятной не следует «за» наделением слов значениями, но является его условием, то становится ясно, что «знание о собственных подразумеваниях» и регулярность речевого поведения – это одно и то же: своим речевым поведением я «подсказываю» слушателю желаемую интерпретацию моих слов и тем самым наделю их определенным значением.

«Интерпретатор чужих слов и мыслей на своем пути к пониманию неизбежно зависит от рассеянной информации, наличия необходимой подготовки, и творческих прозрений. Но самому говорящему не приходится гадать, к подходящим ли объектам и событиям он применяет свои слова, поскольку *то, к чему он их применяет регулярно, придает его словам их значение, а его мыслям – их содержание*» (курсив мой. – Е. В.) [Davidson, 2001. P. 37].

Последний (выделенный курсивом) тезис имеет отчетливо бихевиористский характер ⁴, обеспечивающий экстерналистский характер концепции сознания Дэвидсона и вместе с тем возможность авторитета первого лица. Резюмируем проведенный анализ в двух компаративных тезисах.

Вместе с Патнэмом Дэвидсон принимает каузальную теорию значения, которая тема-

³ Эту мысль Дэвидсон иллюстрирует посредством мысленного эксперимента, в котором в коммуникацию вступают два индивида, говорящие на разных языках и не владеющие ни одним общим языком. В этом случае «лучшее, что говорящий может сделать – это быть интерпретируемым, т. е. использовать конечный набор различных звуков и последовательно применять их к вещам и ситуациям, которые, по его мнению, видны слушателю» [Davidson, 2001. P. 13]. В некоторых статьях Дэвидсон называет принцип интерпретируемости «принципом доверия» (Charity); он состоит в том, что необходимым условием интерпретации является презумптивное рассмотрение интерпретируемой речи как рациональной [Дэвидсон, 2003. С. 197].

⁴ Думаю, здесь можно говорить о радикализации «логического бихевиоризма» Г. Райла. С точки зрения Райла, «знание о себе» обусловлено наблюдением субъекта за собственным поведением [Райл, 2000. С. 157–196]. Дэвидсон, как видим, устраняет избыточное различие речевого поведения и знания о собственном речевом поведении.

² Аналогичный аргумент высказывает в полемике с Патнэмом Серл: индексикальный компонент значения (остенсивное указание на «жесткий десигнатор») обусловлен последовательностью интенционального подразумевания «жесткого десигнатора», поэтому каузальная теория значения, по Серлу, «не показывает, что значения не находятся в голове» [Searle, 2004. P. 185].

тизирует конститутивную семантическую функцию «жесткого десигнатора».

В отличие от Патнэма, рассматривающего значение вне коммуникативного контекста, Дэвидсон тематизирует интерпретируемость как структурный момент значения, что позволяет ему отстаивать авторитет первого лица с экстерналистских позиций.

В качестве «постскриптума» выскажу два критических соображения.

1. По моему мнению, Патнэм неправомерно абсолютизирует независимость экстенционала от интенционала, что делает сомнительным его тезис, согласно которому значения слов «вода₁» и «вода₂» различались уже до появления атомистической теории вещества (т. е. до появления возможности обнаружить или хотя бы предположить различие между H₂O и XYZ). Слабость этой аргументации связана с тем, что в индексикальном определении имени экстенционал задается посредством понятия *тождества*: тот или иной объект относится к экстенционалу имени, если мы отождествляем его с образцом, и не относится, если мы отличаем его от образца. Однако отождествление и различение всегда проводятся по определенным основаниям: для того чтобы понятие тождества выполняло функцию формирования экстенционала, оно всякий раз требует конкретизации, предполагающей различие *существенных и несущественных свойств*⁵. Действительно, любой тигр чем-то отличается от эталонного (расположением полосок на шкуре, возрастом, характером...), поэтому для того, чтобы экстенционал имени «тигр» включал в себя больше одной особи, от этих различий необходимо абстрагироваться как от несущественных. С другой стороны, индексикальное определение тигра предполагает ряд существенных признаков (плотоядность, полосатая шкура...), поэтому в полном виде оно звучит так: X – это предметы, тождественные данному образцу по признакам a, b, c... Но в таком случае оно ничем не отличается от обычного дескриптивного определения, не включающего в себя указание на «жесткий десигнатор»: «X – это предметы, обладающие признаками a, b, c...». В своем примере с водой Патнэм в качестве существенного признака вещества рассматривает молеку-

лярную структуру; тогда индексикальное определение «всякое вещество, тождественное данному образцу по молекулярной структуре» вполне эквивалентно дескриптивному определению «всякое вещество, имеющее молекулярную структуру H₂O».

Если так, то тезис Патнэма, согласно которому термины «вода₁» и «вода₂» имели разные экстенционалы *уже до появления молекулярной теории*, неверен: поскольку, по условиям его мысленного эксперимента, все остальные свойства воды₁ и воды₂, которые могли бы выступать в качестве *оснований отождествления / различения*, совпадают. Иначе говоря, до 1750 г. это слово в устах как землянина, так и обитателя Двойника Земли, имело третье значение, сформировавшееся без учета молекулярной структуры, и понятно, что экстенционал слова «вода₃» включал в себя как воду₁, так и воду₂. Поэтому представляется неверным допущение Патнэма, согласно которому два носителя языка могут *подразумевать* под некоторым именем одно и то же, но при этом имя в их устах приобретает – незаметно для них самих – разные значения.

2. Как было отмечено, Дэвидсон принимает это допущение и иллюстрирует его своим собственным фантастическим примером: предположим, – говорит он, – в результате некоего причудливого природного катаклизма мое тело распалось на молекулы, но в то же время из других молекул сформировалась его точная копия. Поскольку это произошло на некоем живописном болоте, Дэвидсон дает своей копии имя Swampman (чтобы не использовать корявых русских эквивалентов типа «болотник», будем ниже использовать оригинальное имя). Итак, Swampman в точности повторяет внешность и поведенческие привычки Д. Дэвидсона: живет в его доме, здороваается с его друзьями, пишет статьи по проблематике радикальной интерпретации... Тем не менее, говорит Дэвидсон, слова Swampman'a не могут иметь тех же значений, что и слова Дэвидсона; более того, они не могут иметь каких бы то ни было значений вообще (хотя никто из окружающих этого бы не заподозрил), как и сам Swampman в принципе не может мыслить. «Он не может подразумевать, например, по слову “дом” то, что подразумеваю я, поскольку звук “дом”, который он издает, не был освоен им в таком контексте, который придал бы ему верное –

⁵ Патнэм говорит о «важных» и «неважных» свойствах [Патнэм, 1999. С. 193–194].

или какое бы то ни было – значение» [Davidson, 2001. P. 19]. Swampman не может распознать (recognize) какой бы то ни было предмет, потому что он его не знал (cognize) раньше: его «язык» не является результатом той каузальной истории, в которой сформировался язык Д. Дэвидсона.

Этот вывод представляется неверным, поскольку если различие между осмысленно говорящим агентом и издающим бессмысленные звуки существом не может быть установлено ни одним внешним наблюдателем (тем более – самим Swampman'ом, который, по условиям эксперимента, «убежден» в том, что он – Д. Дэвидсон), и если мы, вместе с Дэвидсоном, не принимаем дуалистическую онтологию «ментального» и «физического», – то непонятно, в чем это различие может состоять. По-видимому, в этом рассуждении Дэвидсон трактует каузальную историю языка натуралистически, связывая ее с материальным субстратом (напомним, единственное различие между Дэвидсоном и его двойником состоит в том, что последний состоит «из других молекул»), – но в семантическом контексте для причинной связи между словами и значениями важен не субстрат, но последовательность в применении слов к вещам («жестким десигнаторам» и однородным с ними – или кажущимся однородными – предметам). Более того, указанный вывод

Дэвидсона противоречит его же центральному тезису, согласно которому для того, чтобы слова имели значение, достаточно, чтобы речь была *интерпретируемой*: если в статьях Swampman'а термин «радикальная интерпретация» последовательно означает радикальную интерпретацию, то они могут быть поняты, и это «придает его словам их значение, а его мыслям – их содержание». Думаю, отделение семантической аргументации от чужеродных натуралистических допущений должно способствовать интерпретируемости учения Дэвидсона об авторитете первого лица.

Список литературы

- Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. М., 2003. 446 с.
 Патнэм Х. Философия сознания. М., 1999. 235 с.
 Райл Г. Понятие сознания. М., 2000. 406 с.
 Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. Oxford, 2001. 236 p.
 Searle J. R. Mind. A Brief Introduction. N. Y.: Oxford Univ. Press, 2004. 285 p.

Материал поступил в редколлегию 28.11.2008

E. V. Borisov

SELF-KNOWING AS A SEMANTIC NECESSITY. D. DAVIDSON'S CONCEPT OF FIRST PERSON AUTHORITY

The author does a comparative analysis of concepts of self-knowing, developed in externalist theories of mind and language by Putnam and Davidson. It is demonstrated that communicative character of Davidson's theory of meaning allows him, unlike Putnam, to defend "first person authority" on the ground of an externalist approach to mind. Besides, some fallacies in semantic arguments of Putnam and Davidson are shown.

Keywords: Theory of meaning, philosophy of mind, externalism, first person authority, interpretation.